

Теоретический вектор

理论取向

Theory Approach

Научная статья

УДК 339.5:336.225.674:351.713

EDN IHUSKF

DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(1).58-68

**Неконфликтное несовпадение:
к теории межцивилизационного альянса на примере России и Китая****А.Г. Абраменко**Байкальский государственный
университет,

г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

04.05.2025

Дата принятия к печати:

16.03.2026

Дата онлайн-размещения:

10.04.2026

Аннотация. В статье анализируется российско-китайское стратегическое партнерство не просто как политико-экономический альянс, но и как форма цивилизационного взаимодействия. На основе междисциплинарной методологии, сочетающей хронополитический, цивилизационный и антропологический подходы, автор рассматривает глубинные различия в стратегических нарративах, символических кодах и временных структурах, лежащих в основе внешнеполитического поведения двух государств. Исследование исходит из предпосылки, что устойчивость российско-китайского партнерства не может быть объяснена исключительно через призму совпадения геополитических интересов. Наоборот, ключевым фактором, определяющим как потенциал сближения, так и пределы взаимодействия, выступает расхождение цивилизационных оснований: в трактовке лидерства, в понимании международного права, в темпоральных установках. Российская внешнеполитическая риторика опирается на мобилизационный нарратив «осажденной крепости», мессианскую идею исторической справедливости и реактивную субъектность. Китай же выстраивает образ морального центра, основанный на непрерывности, иерархии и идее гармонии. Особое внимание уделяется символическому измерению альянса: от культурной ритуализации взаимодействия со стороны КНР до роли исторической памяти в легитимации внешнеполитических стратегий. Автор вводит понятие «неконфликтного несовпадения» как аналитическую рамку, позволяющую понять, как возможно устойчивое партнерство между государствами с различными цивилизационными кодами.

Статья обращается к актуальной исследовательской задаче — разработке нового теоретического инструментария для анализа межцивилизационного взаимодействия в условиях постлиберальной трансформации мирового порядка. Российско-китайский альянс рассматривается не как результат сближения идентичностей, а как институциональная форма координации между несводимыми стратегическими субъектностями.

Ключевые слова. Стратегическое партнерство, цивилизационный подход, хронополитика, символическая политика, межцивилизационное взаимодействие.

科学文章

非冲突性错位：以俄罗斯和中国为例的跨文明联盟理论探析

A.G. Abramenko贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦结稿日期: 2025年05月04日
出版日期: 2026年03月16日
网上出版日期: 2026年04月10日

摘要: 本文将俄中战略伙伴关系视为不仅是一种政治经济联盟, 而且是一种文明互动形态, 并据此展开分析。基于结合时间政治、文明论与人类学路径的跨学科方法论, 作者考察了支撑两国外交行为的战略叙事、象征符码与时间结构中的深层差异。本文的基本假设是, 俄中伙伴关系的稳定性并不能仅仅通过地缘政治利益的契合来解释。恰恰相反, 决定双方接近潜力及互动边界的关键因素, 在于其文明基础的差异——这种差异具体体现在对领导权的理解、对国际法的认识以及时间取向之中。俄罗斯的外交话语依托于“被围困的堡垒”式动员叙事、关于历史正义的弥赛亚式理念以及反应性主体性; 中国则塑造了一种以连续性、等级秩序与和谐观念为基础的“道德中心”形象。文章特别关注联盟的象征性维度: 从中华人民共和国一方对互动关系的文化仪式化处理, 到历史记忆在对外战略合法化中的作用。作者提出“非冲突性错位”这一概念, 作为一种分析框架, 用以解释具有不同文明编码的国家何以可能形成稳定伙伴关系。

本文回应了一项重要而现实的研究任务, 即在世界秩序后自由主义转型的背景下, 为跨文明互动研究建构新的理论工具。俄中联盟在文中并不被视为身份趋同的结果, 而被界定为不可化约的战略主体性之间的一种制度化协调形式。

关键词: 战略伙伴关系, 文明论路径, 时间政治, 象征政治, 跨文明互动。

Original article

Non-Conflict Discrepancy: Towards the Theory of an Intercivilizational Alliance Using the Example of Russia and China

A.G. AbramenkoBaikal State University,
Irkutsk, Russian FederationReceived: 2025 May 4
Accepted: 2026 March 16
Available online: 2026 April 10

Abstract. This article analyzes the Russia-China strategic partnership not merely as a political and economic alliance, but as a form of civilizational interaction. Based on an interdisciplinary methodology combining chronopolitical, civilizational and anthropological approaches, the author examines the profound differences in strategic narratives, symbolic codes, and temporal structures underlying the foreign policy behavior of the two states. The study proceeds from the assumption that the stability of the Russia-China partnership cannot be explained solely through the prism of converging geopolitical interests. On the contrary, a key factor determining both the potential for rapprochement and the limits of cooperation lies in the divergence of civilizational foundations – particularly in their understanding of leadership, international law, and temporal logic. Russian foreign policy discourse is grounded in a mobilization narrative of the «besieged fortress», a messianic idea of historical justice, and reactive subjectivity. China, by contrast, constructs itself as a moral center based on continuity, hierarchy, and the ideal of harmony. Special attention is given to the symbolic dimension of the alliance – from China's cultural ritualization of diplomacy to the role of historical memory in legitimizing strategic choices.

The author introduces the concept of «non-conflictual incongruence» as an analytical framework for understanding how stable cooperation is possible between states with divergent civilizational codes. The article addresses a pressing research

challenge: developing a new theoretical toolkit for analyzing inter-civilizational relations in the context of the post-liberal transformation of the global order. The Russia-China alliance is interpreted not as the result of identity convergence, but as an institutional form of coordination between irreducibly different strategic subjectivities.

Keywords. Strategic partnership, civilizational approach, chronopolitics, symbolic politics, inter-civilizational interaction.

Современные международные отношения все в большей степени утрачивают устойчивость, ранее обеспечиваемую универсалистским проектом либерального мирового порядка. Размывание нормативных основ глобального управления, ослабление западных институтов и возвращение к конкуренции великих держав формируют новую политическую реальность, где цивилизационная специфика и культурные различия начинают играть определяющую роль. На этом фоне особое значение приобретает российско-китайское взаимодействие — не только как экономический и геополитический альянс, но и как встреча двух стратегических культур, опирающихся на различные историко-ментальные основания.

Растущее внимание исследователей к идее «многомодальной модернизации», региональной безопасности, к «цивилизационному многообразию» подчеркивает переход аналитики от прагматического анализа институтов к изучению символических и культурных механизмов глобального взаимодействия. В случае России и Китая эта перспектива оказывается особенно продуктивной: стратегическое партнерство двух государств сопровождается не только институциональными достижениями, но и напряженной символической работой, призванной легитимировать сближение двух разных цивилизационных миров.

Проблема, однако, заключается в асимметрии стратегических культур: российская внешняя политика во многом продолжает опираться на мобилизационные модели, основанные на идеях исторической справедливости и «осажденной крепости», в то время как китайский подход строится на парадигме морального лидерства, центрированности и длительной темпоральной перспективы. Эта асимметрия создает не только аналитическую сложность, но и стратегические риски, связанные с несопадением ожиданий, моделей поведения и глубинных кодов восприятия международной среды.

Целью настоящей статьи является анализ символическо-культурных и психоментальных оснований российско-китайского партнерства в ус-

ловиях трансформации мировой политической архитектуры. Исследование сосредоточено не на экономике или военной кооперации, а на менее изученных, но концептуально значимых измерениях — стратегических нарративах, образах угроз и цивилизационных интуициях, определяющих внешнеполитическое поведение сторон.

В методологическом отношении работа опирается на хронополитический подход, позволяющий интерпретировать политическое поведение через призму восприятия исторического времени; на цивилизационный подход к международным отношениям, фокусирующийся на культурных основаниях взаимодействия государств; а также на концепт психоментального комплекса, раскрывающий архетипическую и символическую структуру политического мышления. Использование этих рамок позволяет выйти за пределы рационалистского анализа интересов и продемонстрировать, каким образом историко-культурные коды формируют политические альянсы и институциональные предпочтения.

Российско-китайское стратегическое партнерство все чаще трактуется не только как ответ на геополитическое давление Запада, но и как попытка двух цивилизационно отличных государств выстроить альтернативный тип международных отношений. В российской внешнеполитической дискуссии начиная с 2010-х гг. наметился устойчивый переход от евроцентричного дискурса к ориентации на Восток, сопровождаемый утверждением концепта «особого пути» — представления о России как самостоятельной цивилизации, не сводимой к европейской или азиатской модели. Данный тезис формирует основу для поиска стратегических союзов вне либерального мира и совпадает с китайской критикой западного универсализма [1, с. 26]. В этой точке оба государства находят общий язык — как носители альтернативных ценностных систем, выступающие против гегемонии западных нормативов в международных институтах [2, с. 17].

Ключевым понятийным узлом становится идея многополярности, служащая не только гео-

политическим ориентиром, но и культурно-политической рамкой. В официальных риториках Москвы и Пекина многополярность преподносится как «естественное» состояние мира, основанное на уважении к суверенитету, идентичности и внутреннему пути развития каждого государства. Однако даже в этой точке сближения обнаруживаются глубокие расхождения в стратегических нарративах.

Российская внешняя политика во многом продолжает опираться на мобилизационные схемы, активизирующие образы угроз, борьбы и исторической миссии [3, с. 58]. Центральным элементом выступает мессианская идея «восстановления справедливости», в том числе на постсоветском пространстве, которая легитимирует внешнеполитические действия через ретроспективную темпоральную рамку — апелляцию к «утраченному величию» [4].

Китайский внешнеполитический дискурс укоренен в логике гармонизма, восходящего к конфуцианской традиции и философии «Тянься» (天下) — «всеподнебесного порядка / Поднебесной», основанного на моральной иерархии и культурной центрированности, а не на военной конфронтации. «Тянься» предполагает модель, в которой Китай воспринимается как «культурный центр», притягивающий к себе окружающие регионы не силой, а нравственным авторитетом и стабильностью внутренних норм [5, с. 6; 6]. В рамках концепции «великое возрождение китайской нации» («中华民族伟大复兴») Китай не стремится к прямой гегемонии, а реализует инклюзивную инфраструктурную экспансию, направленную на втягивание партнеров в зону экономической взаимозависимости и нормативного влияния. Внешнеполитическая стратегия КНР выстраивается как «моральное руководство» через экономическое развитие и стабильность, а не как силовое доминирование [7, с. 5–6].

Следует отметить, что обращение к категориям «восстановления справедливости» в российской внешнеполитической риторике и «великого возрождения китайской нации» в китайском политическом лексиконе не является тождественным: 复兴 обозначает прежде всего внутреннее национальное возрождение после периода унижений и фрагментации, восстановление целостности и достоинства внутри собственной цивилизационной рамки; в российском случае «восстановление справедливости» формулируется как внешне адресованное требование признания статуса, исторической роли и сферы

легитимных интересов России в существующем международном порядке.

Такой подход КНР к внешней политике отражает цивилизационную специфику китайского стратегического мышления, в котором предпочтение отдается гармонизации, долговременному планированию и культурной устойчивости. Однако по мере углубления сравнительного анализа становится очевидно, что за сходством прагматических интересов Китая и России стоят глубоко различающиеся основания внешнеполитического мышления. Именно здесь проявляется ключевое концептуальное расхождение, связанное не с текущими приоритетами, а с фундаментальными различиями в восприятии времени, исторической миссии и роли государства в мире.

Одна из наименее исследованных, но концептуально значимых осей различий между Россией и Китаем в сфере внешней политики — это психо-ментальные основания стратегического мышления, формирующиеся на стыке исторической памяти, символических кодов и временных моделей интерпретации реальности. Эти глубинные коды не просто сопровождают принятие решений, но направляют его, формируя ценностные рамки допустимого поведения на международной арене.

Россия воспринимает свою внешнюю политику как «реактивную» стратегию, встроенную в ритм исторической борьбы. Политические элиты и экспертное сообщество нередко апеллируют к логике «восстановления справедливости» — будь то возвращение контроля над постсоветским пространством, сопротивление «однополярности» или участие в формировании новых международных институтов. Эта стратегия воспроизводит архетип «осажденной крепости» [8]. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 229 от 31 марта 2023 г.)¹ институционально воспроизводит эти установки, описывая внешнюю среду как пространство систематического давления со стороны «недружественных государств», прежде всего США и их союзников, которые «развязали гибридную войну нового типа» против России и используют санкции, информационно-психологическое воздействие и вмешательство во внутренние дела (п. 8, п. 13). При этом Россия в документе предстает как вынужденный

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. М., 2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 03.11.2025).

ответчик, «не изолирующийся» и «не считающий себя врагом Запада», но обязанный «отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами» и «противодействовать недружественным действиям» в целях защиты суверенитета и территориальной целостности (п. 13, п. 14, п. 15.1). Периодизация внешнеполитического поведения России все чаще строится вокруг критических узлов и мобилизационных фаз (точек бифуркации): 1991 г. символизирует утрату статуса сверхдержавы, 2007 г. — начало идеологического и стратегического разрыва с Западом, 2014 г. — переход к политике восстановления суверенитета через жесткое действие, а 2022 г. может рассматриваться как момент вхождения в состояние ответной геополитической самоизоляции от евроатлантического пространства и нарастающего институционального разрыва с его ключевыми структурами [2]. В России акцент ставится именно на переосмыслении этих исторических событий, которые подаются как определяющие коллективную позицию в настоящем.

Для Китая, напротив, ключевой является темпоральная непрерывность, структурированная через конфуцианскую философию порядка и морального лидерства. Модели стратегического мышления в КНР основаны на логике «постепенности и следования порядку» (循序渐进), в которой история не разрывается, а трансформируется через возвращение к исходным нравственным основаниям [9, с. 6]. Эта концепция — основа «великого возрождения китайской нации» и рамка для восприятия текущих трансформаций как возвращения к гармоничному миру [10; 11]. Здесь не существует внешнего «другого», только потенциальные участники китайского порядка. Это моральное, а не юридическое представление о международных отношениях, где иерархия оправдывается не силой, а добродетелью (德 — дэ) [10, с. 6–8]. Современное переосмысление этих понятий осуществляется в рамках концепции «великого возрождения китайской нации». Это не только программа модернизации, но и нарратив морального лидерства, в рамках которого Китай предлагает свою версию порядка — без принуждения, но с нормативной инклюзией [12].

На английском языке данное измерение анализируется через концепт «civilizational state», предложенный Мартином Жаком [11, с. 197–210]. Данный концепт утверждает, что Китай — это не просто национальное государство, а уникальное цивилизационное образование

с тысячелетней историей культурной и политической преемственности. В отличие от западной модели универсального государства-нации, цивилизационное государство опирается на конфуцианскую иерархию, коллективизм и моральную легитимацию власти. Такая перспектива оправдывает особый путь Китая в международных отношениях и его право на нормативную автономию в мировой политике [13]. Так, китайская дипломатия использует эстетико-нормативные образы, формирующие ожидания и репертуары поведения не только у Китая, но и у его партнеров. В данной логике концепция «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) становится не только риторикой, но и структурной нормой в китайских многосторонних инициативах [1]. Это отражается в ряде официальных документов, в том числе «Национальной обороне Китая в новую эпоху»² — Китай «никогда не будет стремиться к гегемонии, экспансии или созданию сфер влияния» и исходит из принципа общей безопасности и общего процветания; в Белой книге «Инициатива «Пояс и путь»: ключевой столп сообщества единой судьбы человечества»³ эта логика расширена до глобального уровня — инициативе приписывается задача «создавать общее пространство интересов, ответственности и судьбы» и «сближать страны с различными социальными системами, уровнями развития и культурными традициями».

Российская традиция, напротив, тяготеет к мессианским формам легитимации, где ключевую роль играют нарративы «особого пути», духовного превосходства и исторической уникальности. Стратегическое поведение России в этом контексте направлено не столько на включение в международный порядок, сколько на его переопределение в соответствии с собственной историко-ценностной логикой [14]. Внешняя политика России формируется не в логике рационального расчета, а через мобилизационную идентичность, в которой геополитика становится продолжением культурной памяти [15, с. 88–90], основанной на длительном выживании в окру-

² The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's Peaceful Development / The State Council Information Office of the People's Republic of China. Beijing, 2011. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 03.11.2025).

³ The State Council Information Office of the People's Republic of China. China and the World in the New Era / The State Council Information Office of the People's Republic of China. Beijing, 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html (дата обращения: 03.11.2025).

жении более сильных соперников, и эта логика продолжения суверенности под внешним давлением сохраняется как устойчивая модель поведения [16]. Артикулируется это в официальных выступлениях: в обращении Президента РФ 24 февраля 2022 г. внешнеполитическое действие определяется как необходимость «защиты России и нашего народа»⁴; аналогичная рамка появляется в выступлении В.В. Путина на заседании клуба «Валдай» (октябрь 2023 г.)⁵, где Россия описывается как «государство-цивилизация» и самостоятельный центр мирового порядка, отстаивающий право на собственные нормы развития вне внешнего диктата.

Иными словами, различие стратегических культур КНР и РФ проявляется как в риторике, так и в различии темпоральных структур: Россия ориентируется на восстановление и ответ, Китай — на созидание и удержание. Это различие критически важно для понимания потенциальных ограничений партнерства: когда Россия действует в условиях угрозы, Китай предпочитает игру на опережение в спокойной среде.

Тем не менее, для полноценного понимания психоментальной архитектуры российско-китайского взаимодействия необходимо учитывать не только взаимное восприятие сторон, но и их отношение к внешнему символическому полю — прежде всего к Западу. Именно образ Запада становится той третьей координатой, в которой проявляются особенности стратегических культур и обостряются различия в политико-ценностных нарративах.

Для России Запад традиционно выступает как исторический антагонист, носитель унифицирующих идеологий и источник внешнего давления. Этот образ трансформируется от амбивалентного «цивилизационного соблазна» в 1990-е гг. к символу системной угрозы и цивилизационной деградации в посткрымский период [8]. Такое восприятие мобилизует российский политический нарратив вокруг оси «сопротивление — восстановление», где Запад служит точкой отрицательной идентификации [14].

Китай же выстраивает гораздо более сложную и амбивалентную конфигурацию образа Запада.

⁴ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. // Президент России. 24.02.2022. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 03.11.2025).

⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г.: пленарная сессия XX заседания // Президент России. 05.10.2023. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 03.11.2025).

С одной стороны, Запад выступает как источник технологий, модернизации, управленческих практик; с другой — как носитель унижительного колониального наследия и архитекторы нормативного гегемонизма. Поэтому китайская стратегия — это не фронтальное отторжение, а осторожная интеграция с элементами сопротивления, попытка переписать правила игры изнутри [17]. Здесь Запад становится объектом переработки, а не тотального отрицания, что соответствует логике мягкой нормативной трансформации, характерной для китайской дипломатии.

Важно развести динамику восприятия Запада в России и Китае. Для Китая контакт с европейскими державами в XIX в. изначально строился на представлении о собственном морально-цивилизационном превосходстве и второстепенности внешних сил; именно последующее военное поражение и навязанная система неравноправных договоров создали нарратив колониального унижения и переломили картину мира, заставив рассматривать Запад одновременно как источник угрозы и как технологически более развитую силу, от которой можно чему-то научиться [18, с. 130]. В российском случае взаимодействие с Европой (от Петра I до индустриализации XX в.) мыслилось не как одностороннее давление и навязанное подчинение, а как контакт с сопоставимыми центрами силы; заимствование институтов и технологий оформлялось как суверенная адаптация ради укрепления собственного статуса великой державы, а не как ответ на признанное унижение.

Различие в восприятии Запада усиливает асимметрию стратегических нарративов. Россия мобилизует идентичность через отрицание внешнего центра силы, Китай стремится к восстановлению собственного центра, не исключая инструментального взаимодействия с внешним. В этой трехмерной конфигурации («мы» — «партнер» — «Запад») и проявляется сложная динамика «неконфликтного несовпадения».

Российский политический нарратив в последние десятилетия строится на символическом образе «осажденной крепости» — метафоре, глубоко укорененной в национальной исторической памяти. Она восходит ко Второй мировой войне, периоду противостояния с Западом в годы холодной войны, к распаду СССР, интерпретируемому как «геополитическая катастрофа». Эти образы используются для мобилизации общества, легитимации курса на суверенитет и для интерпретации международной изоляции не как слабости, а как свидетельства принципиальности и особого пути.

В Китае ключевым нарративом выступает идея «национального возрождения», направленная на преодоление «века унижений» — периода колониальных интервенций и внешней зависимости, начавшегося с Первой опиумной войны. Это не столько образ угрозы, сколько исторически обусловленная установка на восстановление справедливого порядка, в центре которого находится Поднебесная как культурно-нравственный центр мира. Символический язык китайской внешней политики апеллирует не к страху, а к справедливости, гармонии и цивилизационному лидерству [19; 10].

При всей видимой близости позиций восстановления справедливости (в российском случае) и справедливой внешней политики и гармонии их цивилизационная функция различается. В российской риторике «восстановление справедливости» — это требование признания собственной субъектности и безопасности, отказ от внешне навязанных ограничений и утверждение особого статуса России, направленные на защиту суверенной траектории. В китайском случае справедливый порядок подается как положительная норма, Китай мыслится как «государство-цивилизация» [20], выступающее не как одно государство среди других, а как источник образца справедливого и гармоничного устройства, и на этом основании претендует на право формировать альтернативный нормативный контур мирового порядка. Российская идея «особого пути» в этом контексте фиксирует прежде всего неприкосновенность собственной историко-ценностной линии, а не претензию на универсальное правило.

На уровне ценностей обе страны акцентируют внимание на традиционализме, порядке, культурной идентичности и сопротивлении универсалистским нормам Запада. Однако, если для России традиционные ценности зачастую определяются как инструмент противопоставления «разлагающемуся Западу», то в Китае они встраиваются в позитивную модель «гармоничного мира», где иерархия не отрицается, а сакрализуется [21; с. 359–360]. Китайская внешняя политика в этом контексте опирается на ритуализированную коммуникацию, концепцию «лица» (面子) и культурной центрированности, тогда как российская — на риторику конфронтации и героического сопротивления.

Можно заметить, что символические и нарративные конструкции становятся неотъемлемой частью внешнеполитических стратегий, формируя нормативную среду, в которой обо-

сновываются решения, мобилизуются общества и строится международное позиционирование. Их сравнение позволяет лучше понять, как культурная память и исторические травмы становятся инструментами политической легитимации и дипломатической практики.

Несмотря на институциональные успехи и нарастающее количество совместных проектов, стратегическое сближение России и Китая наталкивается на глубинные цивилизационные ограничения, проявляющиеся не в сфере интересов, а в несовпадении базовых символических и временных координат. Это касается различий в понимании политического времени, легитимности лидерства и трактовке международного права.

Российская внешнеполитическая культура опирается на мобилизационную хронополитическую структуру, в которой история предстает как череда травм и их преодолений. Временной ритм здесь прерывист: события интерпретируются как точки утраты и восстановления, а лидерство получает легитимацию через способность «вернуть утраченное» — будь то суверенитет, статус великой державы или справедливость [8, с. 172]. В этом нарративе международное право выступает как арена пересмотра норм, а не как стабильная система правил, что позволяет адаптировать правовой дискурс под мобилизационные нужды [14, с. 48].

Китай, напротив, мыслит себя через непрерывность и стабильность. В его политической культуре отсутствует идея катастрофического разрыва: прошлое включается в настоящее как ресурс моральной легитимации. Временная логика здесь — циклическая: каждый этап не отрывается от предыдущего, а завершает его, создавая иллюзию постоянства. Концепт «великого возрождения китайской нации» (中华民族伟大复兴) не противопоставлен истории, он в нее встроен. Это делает китайский подход к лидерству фундаментально иным: здесь правит не тот, кто восстанавливает справедливость, а тот, кто олицетворяет порядок и мораль [5, с. 6; 7, с. 5].

Различие в темпоральных и политико-юридических кодах дополняется противоположными ритуальными практиками. Китайский стиль дипломатии выстроен вокруг формализованной коммуникации, эстетического кодирования значений, концепта «лица» и ритуальной центрированности [22, с. 115]. Это не только стиль, но и цивилизационный способ включения партнеров в собственную нормативную экосистему. Российская дипломатия, напротив, тяго-

теет к героическому, декларативному типу действия, где важна риторическая контрастность и идеологическая определенность. Попытки КНР создать зону «мягкой нормативной гравитации» зачастую не воспринимаются Россией как достаточные основания для глубокой интеграции.

На символическом уровне эти различия формируют труднопреодолимые барьеры. Россия и Китай могут договариваться о целях, но используют разные нарративные структуры для их легитимации. Если Китай апеллирует к образу морального центра, включающего других через гармонию, то Россия использует риторику исключительности и мобилизационного сопротивления. В итоге возникает феномен неконфликтного несовпадения: государства действуют как союзники, но их символические универсумы не пересекаются.

Именно это несовпадение и становится пределом для цивилизационной интеграции. При этом оно не обязательно является угрозой для устойчивости альянса — напротив, признание различия и отказ от его устранения может стать условием стратегической гибкости. Парадокс в том, что единственный путь к стабильному взаимодействию лежит не через символическое слияние, а через институциональное уважение к различию. Как отмечает Амитав Ачарья, глобальный порядок будущего потребует от акторов «многоуровневой терпимости» к несовпадающим представлениям о мире [1, с. 152].

Цивилизационные пределы российско-китайского альянса проявляются не в конфликтах интересов, а в расхождении моделей легитимации, темпоральных стратегий и символических кодов. Глубинное различие между мессианским и гармонистским нарративами, между реактивной и инклюзивной стратегией, между риторикой исключительности и этикой морального центра — все это требует не снятия различий, а выстраивания новых форм цивилизационного взаимодействия без унификации.

На фоне глубинных различий в стратегических культурах, символических кодах и нарративах легитимации, устойчивость российско-китайского партнерства обеспечивается не за счет их устранения, а благодаря особому механизму — институциональному соавторству. Под этим термином подразумевается не просто совместное участие в институтах, а процесс совместного конструирования нормативных, процедурных и символических рамок, позволяющих каждой стороне сохранять идентичность при одновременной координации стратегий.

Ключевым пространством такого соавторства выступают многосторонние форматы, в первую очередь Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в рамках которой Россия и Китай де-факто реализуют свою нормотворческую функцию, продвигая принципы «невмешательства», «суверенного развития» и «цивилизационного плюрализма». В отличие от западных институтов, ШОС не требует идеологической унификации и потому становится площадкой для нормативной координации без символической ассимиляции [23].

Дополнительным вектором выступают инфраструктурные пересечения: сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «пояс и путь» демонстрирует попытку создания институциональной матрицы с асимметричным, но взаимовыгодным распределением ролей. Россия позиционируется как цивилизационный транзитный узел, Китай — как экономический катализатор, а сам формат взаимодействия становится способом «распараллеливания» темпов развития.

На двустороннем уровне реализуются механизмы нарративной адаптации. Совместные медиафорумы, обмены между университетами, культурные симпозиумы и исторические выставки служат не столько просветительским, сколько символическим функциям. Они позволяют создавать зону смысловой гибкости, в которой допускаются различные интерпретации общих тем без претензии на унификацию. Такие форматы не столько производят единое знание, сколько обеспечивают ритуализированную коммуникацию, снижающую напряженность различий [13].

Наконец, все большую роль играет символическое пространство союзничества, репрезентируемое в совместных торжественных мероприятиях, обменах культурными делегациями и даже в архитектурной репрезентации альянса (памятные арки, выставки, медали, календари). Здесь реализуется стратегия «интерцивилизационного композитора»: каждая сторона сохраняет свои коды, но участвует в формировании общего символического ландшафта, где различие становится элементом общей политической эстетики.

Институциональное соавторство выступает как компенсаторный механизм: оно не устраняет несовпадение, но создает форму, в которой оно становится управляемым. Неслучайно российско-китайский альянс все чаще описывается не как союз идентичностей, а как динамическое равновесие между различиями, встроенное в институциональные контуры взаимного уважения.

Российско-китайское стратегическое взаимодействие в условиях трансформации глобального порядка приобретает черты не только политико-экономического альянса, но и глубоко символического проекта, в основе которого лежит столкновение — и в то же время сопряжение — двух ментальных карт мира. Это взаимодействие невозможно свести к рациональному расчету выгод или институциональной координации: оно развивается в пространстве стратегических нарративов, исторических травм, цивилизационных установок и культурных кодов. Именно в этом измерении альянс приобретает свою уникальную сложность и одновременно — потенциал к устойчивости.

Если Россия действует в парадигме реактивного мессианизма, опирающегося на идею исторической справедливости и мобилизационной идентичности, то Китай выстраивает образ себя как морального центра, предлагающего гармоничную модель глобального порядка, основанную на концептах непрерывности, иерархии и культурной центростремительности. Эти различия не являются препятствием для партнерства, но формируют его предельные параметры. Они задают рамку, внутри которой возможны координация, синхронизация интересов и даже стратегическое соавторство, но невозможна символическая симметрия.

Устойчивость российско-китайского альянса в XXI в. зависит не от способности устранить различия, а от готовности институционализиро-

вать их как допустимое и даже продуктивное несовпадение. В этом смысле речь идет о переходе от модели ценностного сближения к модели «неконфликтного несовпадения» — состоянию, при котором различие не только признается, но и становится основой для диверсифицированного, взаимоуважительного взаимодействия. Такая рамка позволяет избежать ловушек культурной мимикрии и символического конфликта, сохраняя при этом стратегическую синергию на уровне интересов и целей.

Это требует отказа от универсалистской теории альянсов и выработки новой аналитической оптики, способной учитывать цивилизационную многослойность, хронополитические коды и символические механизмы легитимации. Подобная рамка выходит за пределы традиционной политологической методологии и апеллирует к инструментам цивилизационного анализа, нарративной теории, культурной антропологии и сравнительной философии. Только в этом интердисциплинарном измерении возможно понять не столько формальные параметры российско-китайского взаимодействия, сколько его внутреннюю символическую архитектуру.

Таким образом, партнерство России и Китая следует рассматривать не как союз сходств, а как альянс различий, удерживающий равновесие не благодаря совпадению, а благодаря институциональной работе с несводимостью. В этом и заключается его стратегическая новизна.

Список использованной литературы

1. Acharya A. *The End of American World Order* / A. Acharya. — Cambridge : Polity Press, 2014. — 183 p.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3-х т. / Ф. Бродель. — Москва : Прогресс, 1992. — Т. 3. — 679 с.
3. Трусова Д.А. Временные конструкции в российской внешнеполитической риторике / Д.А. Трусова // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 4. — С. 55–70.
4. Фурсова Ю.А. Катастрофизм и ретроспекция: хронотоп российской внешней политики в XXI веке / Ю.А. Фурсова // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 2. — С. 84–97.
5. 张蕴岭. 中国的“天下观”与全球治理 / 张蕴岭 // 国际经济评论. — 2013. — № 4. — 页. 5–13. [Чжан Юньлин. Представление Китая о «Тянься» и глобальном управлении / Чжан Юньлин // International Economic Review. — 2013. — № 4. — С. 5–13.]
6. Zhao Tingyang. *A Possible World of All-Under-Heaven System* / T. Zhao // China International Strategy Review. — 2011. — P. 18–29.
7. 阎学通. 中华民族伟大复兴与大国战略 / 阎学通 // 国际问题研究. — 2018. — № 3. — 页. 1–10. [Ян Сюэтун. Великая национальная реставрация Китая и стратегия великой державы / Ян Сюэтун // Journal of International Studies. — 2018. — № 3. — С. 1–10.]
8. Цыганков А.П. Россия и Запад: альтернативы политического дискурса / А.П. Цыганков. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2012. — 368 с.
9. 王缉思. 中美关系进入一个“新常态” / 王缉思 // 中国国际战略评论. — 2016. — 页. 3–14. [Ван Цзиси. Китайско-американские отношения вступают в «новую норму» / Ван Цзиси // Китайский обзор международной стратегии. — 2016. — С. 3–14.]

10. 赵汀阳. 天下体系：世界制度哲学导论 / 赵汀阳。—北京：中信出版社，2011。—246 页。 [Чжао Тиньян. Система Тянься: Введение в философию мирового устройства / Чжао Тиньян。—Пекин : CITIC Press, 2011. —246 с.]
11. Jacques M. *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order* / M. Jacques. —London : Penguin Books, 2009. —P. 197–210.
12. Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-Hegemonic or a New Hegemony? / W.A. Callahan // *International Studies Review*. —2008. —Vol. 10, no. 4. —P. 749–761.
13. Callahan W.A. *China: The Pessoptimist Nation* / W.A. Callahan. —Oxford : Oxford University Press, 2009. —224 p.
14. Лукина Н.А. Нарративная легитимация внешней политики России / Н.А. Лукина // *Политические исследования*. —2021. —№ 3. —С. 45–60.
15. *Современные международные отношения : учебник* / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. —Москва : Аспект Пресс, 2012. —688 с. —EDN PHEKPD.
16. Бордачев Т.В. Стратегия Московской Руси: как политическая культура XIII–XV веков повлияла на будущее России / Т.В. Бордачев. —Москва : АСТ, 2024. —336 с.
17. Buzan B. *Contest of the Civilizations: China, the West and the Global Order* / B. Buzan, Y. Zhang. —Cambridge : Cambridge University Press, 2014. —280 p.
18. Qin Y. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise / Y. Qin // *The Chinese Journal of International Politics*. —2010. —Vol. 3, no. 2. —P. 129–153.
19. 王毅. 构建人类命运共同体—中国的答案 / 王毅 // 求是。—2019. —№ 9. —页. 3–12. [Ван И. Построение сообщества единой судьбы человечества — ответ Китая / И. Ван // *Qiushi*. —2019. —№ 9. —С. 3–12.]
20. Zhang W. *The China Wave: Rise of a Civilizational State* / W. Zhang. —Hackensack : World Century Publishing Corporation, 2012. —208 p.
21. Fang T. Chinese Discourse on Harmony and Order in International Relations / T. Fang // *Routledge Handbook of Chinese Discourse*. —London : Routledge, 2020. —P. 353–370.
22. Callahan W.A. *China Dreams: 20 Visions of the Future* / W.A. Callahan. —Oxford : Oxford University Press, 2013. —256 p.
23. Delanty G. *Routledge Handbook of Cosmopolitanism Studies* / G. Delanty. —2nd ed. —London : Routledge, 2019. —556 p.

References

1. Acharya A. *The End of American World Order*. Cambridge, Polity Press, 2014. 183 p.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle et capitalisme (XVe – XVIIIe siècle)*. Paris, Armand Colin, 1979. 736 p. (Russ. ed.: Braudel F. *Civilisation matérielle et capitalisme (XVe – XVIIIe siècle)*. Moscow, Progress Publ., 1992. Vol. 3. 679 p.).
3. Trusova D.A. Temporary Constructions in Russian Foreign Policy Rhetoric. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 4, pp. 55–70. (In Russian).
4. Fursova Yu.A. Catastrophism and Retrospection: The Chronotope of Russian Foreign Policy in the 21st Century. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2021, no. 2, pp. 84–97. (In Russian).
5. Zhang Yunling. China's "Worldview" and Global Governance. *Guóji jīngjì pínglùn = International Economic Review*, 2013, no. 4, pp. 5–13. (In Chinese).
6. Zhao Tingyang. A Possible World of All-Under-Heaven System. *China International Strategy Review*, 2011, pp. 18–29.
7. Yan Xuetong. The Great Rejuvenation of the Chinese Nation and Great Power Strategy. *Guóji wèntí yánjiū = International Studies*, 2018, no. 3, pp. 1–10. (In Chinese).
8. Tsygankov A.P. *Russia and the West: Alternatives to Political Discourse*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 2012. 368 p.
9. Wang Jisi. Sino-US Relations Enter a "New Normal". *Zhōngguó guóji zhànlüè pínglùn = China International Strategic Review*, 2016, pp. 3–14. (In Chinese).
10. Zhao Tingyang. *Tiānxià tìxì: Shìjiè zhìdù zhéxué dǎolùn*. [The World System: An Introduction to the Philosophy of World Institutions]. Beijing, CITIC Press, 2011. 246 p.
11. Jacques M. *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London, Penguin Books, 2009, pp. 197–210.
12. Callahan W.A. Chinese Visions of World Order: Post-Hegemonic or a New Hegemony? *International Studies Review*, 2008, vol. 10, no. 4, pp. 749–761.
13. Callahan W.A. *China: The Pessoptimist Nation*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 224 p.
14. Lukina N.A. Narrative Legitimization of Russia's Foreign Policy. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2021, no. 2, pp. 84–97. (In Russian).

15. Torkunov A.V., Mal'gin A.V. (ed.). *Modern International Relations*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2012. 688 p. EDN: PHEKPD.
16. Bordachev T.V. *The Strategy of Muscovy: How the Political Culture of the 13th–15th Centuries Influenced the Future of Russia*. Moscow, AST Publ., 2024. 336 p.
17. Buzan B., Zhang Y. *Contest of the Civilizations: China, the West and the Global Order*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 280 p.
18. Qin Y. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 129–153.
19. Wang Yi. Building a Community with a Shared Future for Mankind – China's Answer. *Qiú shì = Qiushi*, 2019, no. 9, pp. 3–12. (In Chinese).
20. Zhang W. *The China Wave: Rise of a Civilizational State*. Hackensack, World Century Publishing Corporation, 2012. 208 p.
21. Fang T. Chinese Discourse on Harmony and Order in International Relations. In *Routledge Handbook of Chinese Discourse*. London, Routledge, 2020, pp. 353–370.
22. Callahan W.A. *China Dreams: 20 Visions of the Future*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 256 p.
23. Delanty G. *Routledge Handbook of Cosmopolitanism Studies*. 2nd ed. London, Routledge, 2019. 556 p.

Информация об авторе

Абраменко Арсений Германович — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, abramenko.ag@mail.ru.

作者信息

Arsenii G. Abramenko — 研究生, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 664003, 俄罗斯联邦, 伊尔库茨克, 列宁街11号, abramenko.ag@mail.ru.

Author

Arsenii G. Abramenko — PhD Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, abramenko.ag@mail.ru.

Для цитирования

Абраменко А.Г. Неконфликтное несоответствие: к теории межцивилизационного альянса на примере России и Китая / А.Г. Абраменко. — DOI 10.17150/2587-7445.2026.10(1).58-68. — EDN IHUSKF // Российско-китайские исследования. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 58–68.

For Citation

Abramenko A.G. Non-Conflict Discrepancy: Towards the Theory of an Intercivilizational Alliance Using the Example of Russia and China. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 58–68. (In Russian). EDN: IHUSKF. DOI: 10.17150/2587-7445.2026.10(1).58-68.